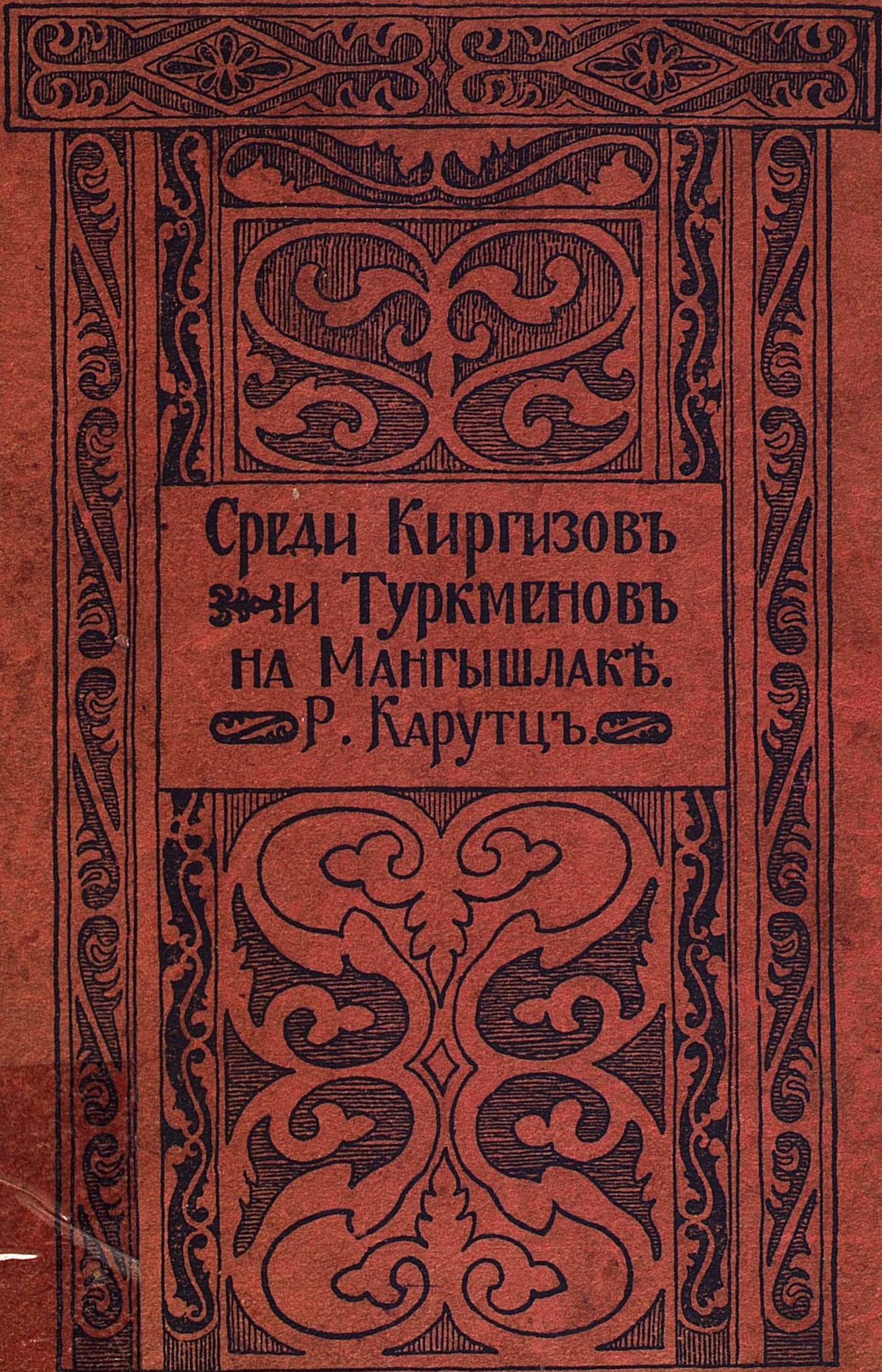

303.8
121

Среди Киргизовъ
и Туркменовъ
на Мангышлакъ.
Р. Карутцъ.

Издан. А.Ф.Девріена. ◊

Типографія Кюгельгенъ, Гличъ и Ко. Спб., Англійскій пр., 28.

Предисловіе.

„Все туркмены происходитъ съ Мангышлака“. Съ т хъ поръ, какъ я въ Мерв услыхаль эту традицію, я твердо р шиль отправиться туда, къ предполагаемымъ источникамъ этого интереснаго народа. Ч мь дал е на с верь, говорилъ я себ , т мь свободн е туркмены отъ персидскаго вліянія, вызваннаго продолжительной диффузіей со стороны сос дей и насильственной трансфузіей аламановъ, т мь чище, будетъ сл довательно, ихъ тюрко-татарскій типъ.

Л томъ 1903 года мн удалось выполнить свое нам реніе. Правда, я всгр тиль при этомъ совершенно другія условія, ч мь я ожидалъ, и столкнулся не столько съ туркменскими, сколько съ киргизскими народными элементами, но эта перем на программы оказалась, какъ потомъ выяснилось, только въ пользу моихъ этнологическихъ наблюденій, — киргизскія, именно, данныя и послужили поводомъ къ опубликованію результатовъ моего путешествія.

Кто хочеть заняться киргизами, или въ бол е широкомъ объем —тюрко-татарами вообще, не долженъ упустить изъ виду старья описанія такого ученаго, какъ П а л л а с ъ, или подробныя изсл дованія такого ученаго, какъ Р а д л о в ъ, но при всемъ громадномъ ихъ значеніи изсл дованія эти, что вполн естественно — не всегда могутъ удовлетворить запросамъ современной этнографіи. Иногда же они нахо-

дятся въ разногласіи съ т ми данными, которыя получаютъ теперь, особенно относительно западной части области кочеванія киргизовъ; сравненіе и т хъ и другихъ данныхъ было бы, поэтому, небезполезно. Прежде всего, однако, мы нуждаемся въ матеріал . Вотъ почему я издаю собранный мною матеріалъ, хотя онъ охватываетъ сравнительно незначительную часть той обширной области, о которой идетъ р чь, и относится къ сравнительно короткому періоду наблюдений; издаю его въ уб жденіи, что много еще перспективъ откроется зд сь передъ этнографомъ, и въ надежд , что мои зам тки послужатъ для н которыхъ поводомъ къ дальн йшимъ изсл дованіямъ.

Рихардъ Карутцъ.

Л ю б е к ъ, октябрь 1810.

Отъ переводчика.

Считаю долгомъ выразить зд сь свою искреннюю признательность академику В. В. Радлову за любезное согласіе проредактировать приводимыя въ настоящемъ перевод киргизскія слова и названія, а равно и за необходимыя указанія относительно ихъ транскрипціи.

На стр. 88—94, въ описаніи д тскихъ игръ, въ пословицахъ и загадкахъ, на основаніи указаній В. В. Радлова были сд ланы н которыя изм ненія и дополненія, за которыя также приношу свою сердечную благодарность.

Е. Петри.

ГЛАВА I.

На Мангышлакъ.

Лето 1909 года привело меня въ третій разъ въ русскій Туркестанъ.

— Про здѣ черезъ Москву, Саратовъ и Астрахань освѣжилъ старыя воспоминанія. Не явилась для меня новой и кипучая жизнь на Волгѣ, тѣмъ не менѣе я былъ пораженъ ея развитіемъ за послѣдніе годы, особенно Царицыномъ и Саратовомъ съ ихъ сильнымъ стремленіемъ превратиться изъ полудеревни - полугорода въ европейскій городъ; многочисленныя и мелкія имена и вывески разныхъ фирмъ указываютъ, быть можетъ, на происхождение этого стремленія. Судостроеніе также нашло болѣе оживленнымъ, хотя при тогдашнемъ застоѣ на мировомъ рынкѣ оно не обходилось, само собою, и безъ жалобъ на плохія времена. Въ непрерывной сменѣ проносились предо мною, какъ и раньше, картины Волги, величественные срочные пассажирскіе пароходы, широкія грузовыя суда, безчисленные буксиры съ шестью, восемью баржами въ два ряда, гигантскіе плоты (табл. 1), бѣляны съ искусно нагроможденными дровами, плывущія внизъ по теченію и направляемыя при помощи каменнаго лота, который волочится по дну, рыбацкія лодки и мелкія парусныя

суда, баржи на пристаняхъ съ ихъ характерными національными типами, бойкими торговцами, суесящимися пассажирами, з в а ками, грызущими с мечки. Все это придаетъ Волг столько разнообразія, интереса и оживленія, что по здка, несмотря на всю свою продолжительность и однообразіе, не кажется ни скучной, ни монотонной. Кто хочетъ вид ть Россію, не долженъ ограничиться Москвой — не говоря уже, само собою, о Петербург - • нужно отправиться на Волгу и по здить н сколько дней на ея комфортабельныхъ пароходахъ, чтобы вернуться домой съ запасомъ новыхъ и ц нныхъ впечатл - ній, которыя могли бы исправить многія сужденія о нашей восточной сос дк , о ея экономическихъ задаткахъ, о политическихъ тайнахъ ея прошлаго и настоящаго.

Еще глубже запечатл лся во мн при этой новой по здк ландшафтъ Волги. Живописныхъ м сть въ общепринятомъ смысл она представляетъ немного и то только на с вер , между Самарой и Казанью, или еще дальше вверхъ по теченію. Тутъ правый берегъ круто подымается, образуя величественныя высоты съ отд льными зубчатыми конусообразными вершинами, покрытыми л сомъ и прор занными глубокими ущельями. Р ка, прокладывая себ дорогу крутыми изгибами, выдвигаетъ зд сь на сцену все новыя кулисы и въ непрерывной см н разворачиваетъ предъ глазами всю прелесть своихъ картинъ, а пышныя краски осенней листвы придаютъ имъ еще особое очарованіе.

Но большею частью, особенно на юг , взоръ встр чаеть одно только, почти безграничное, однообразіе. Л вый берегъ ц лыми часами замыкается непрерывной низкой ст ной л са; кое гд только ст на эта раздвигается, чтобы пропустить быстро сб гающій въ Волгу ручеекъ, да изр дка мелькнутъ вдали надъ л сомъ зеленые или синіе куполы русскихъ церквей и остроконечные минареты татарскихъ мечетей;

или же тянется часами голая степь; когда же ее сменить песчаное предгорье съ низкимъ кустарникомъ или паркообразный ландшафтъ съ разбросанными по немъ березовыми рощами, то проходятъ снова цѣлыя часы прежде, чѣмъ эта картина уступить мѣсто другой. Такое же постоянство свойственно и правому берегу, которымъ южно-русская „черноземная“ возвышенность спускается къ Волгѣ, съ его разорванными крутыми склонами, его вычурно размытыми склонами, производящими впечатлѣніе застывшихъ морскихъ волнъ, съ его столовыми плато и желтой каймою дюнъ.

Вся эта мирная простота волжскаго ландшафта окутана какимъ-то своеобразно-свѣтлымъ и яснымъ воздухомъ, придающимъ ему поразительную красоту. Каждое время года имеетъ здѣсь свою прелесть. Осенью я видѣлъ воду гладкой, тяжело-текущей, какъ расплавленный свинецъ, съ глубокими, рѣзкими отраженіями; воздухъ былъ такой прозрачной ясности, что каждая ива на лугахъ, каждая глыба на рыхломъ обрывѣ берега, далекія очертанія высотъ и близкія ущелья казались одинаково пластично-осязаемыми. И эта ясность производила тѣмъ большее впечатлѣніе какой-то холодной тишины и уединенія, что она окутывала мѣстность, лишенную красокъ и прелести разнообразія. Лѣто приноситъ съ собою безоблачные восходы солнца надъ степью, дивныя голубыя небеса, ослѣдующіе къ горизонту свѣтлыми, ослѣпительно яркими отблесками; сверкающую безчисленными переливами, залитую свѣтомъ, легкую голубую рябь Волги, и удивительныя всего — закаты. Ихъ краски сравнивали съ красками Нильской долины, и действительно: прозрачность воздуха порождаетъ здѣсь необыкновенныя, чарующе-прекрасныя явленія. И когда ночь уже спускается на молчаливые берега, на небѣ зажигаются отдѣльныя звѣзды, на западѣ долго еще горитъ полоса заката. Не менѣе дивны и восходы луны, равно какъ

и безлунныя ночи, въ темнотъ которыхъ сверкаетъ лишь иногда съ берега мерцающій свѣтъ маяка, скользнувъ по шалашамъ, землянкамъ и пещерамъ, въ которыхъ устраиваютъ свои „казенныя квартиры“ сторожа маяковъ.

Изъ Астрахани тендеръ доставляетъ дущихъ на Каспій въ восемь часовъ къ Девяти-футовому рейду, пловучему городу изъ старыхъ баржъ, гдѣ пассажиры пересаживаются на пароходы, душіе въ Баку или Красноводскъ. Черезъ двѣнадцать—тринадцать часовъ пути показывается съ веро- западная оконечность полуострова Мангышлакъ, — плоскогоріе съ отвѣсными стѣнами и крутизнами, на краю котораго бѣлый маякъ указываетъ судну фарватеръ.

У самаго полуострова мы сворачиваемъ къ югу и входимъ въ гавань небольшого поселенія — Николаевскаго, возникшаго, благодаря развившемуся по этимъ берегамъ рыболовному промыслу. Рыболовство въ этихъ мѣстахъ ввели уже издавна туркмены, и еще до послѣдняго времени здѣсь были въ ходу примитивныя костяныя рыболовныя крючки, а затѣмъ и желѣзныя, домашняго производства. Въ настоящее время въ рукахъ русскихъ здѣшнее рыболовство развивается въ доходную статью вывоза, хотя два мѣсяца, во время которыхъ уловъ запрещенъ, и четыре мѣсяца зимнихъ холодовъ уменьшаютъ на половину время занятія этимъ промысломъ.

Жаркая, пыльная дорога ведетъ отъ пристани мимо двухъ небольшихъ соляныхъ озеръ, которыя при тихой погодѣ кажутся темносиними, при вѣтрѣ же; благодаря, какъ полагаютъ, изобилію въ нихъ инфузорій, принимаютъ удивительную темно-розовую окраску*); озера эти доставляютъ столовую соль населенію и разсолъ для рыбнаго промысла.

*) См. также *Zaleski* „La vie des steppes Kirghises“. Paris. 1865, p. 43.

Соль просто выгребається со дна, сбрасывается кучами и затмѣ увозится. Кроме того, местное население пользуется этими озерами также и для лечебныхъ цѣлей: здѣсь устроены примитивныя купальни, гдѣ соединеннымъ дѣйствіемъ концентрированнаго раствора соли и интенсивныхъ солнечныхъ лучей лечатся ревматизмы.

Четыре версты пути, и мы у первыхъ домовъ форта Александровскаго, административнаго центра Мангышлака, въ сокращеніи—фортъ Александра или просто Фортъ. Широкая улица, залитая ослепительнымъ солнцемъ и покрытая густымъ слоемъ мучнистой пыли, состоящей изъ песку и продуктовъ выветриванія мягкаго известняка, тянется у подножія скалистаго кряжа, на высот котораго бѣлыя кирпичныя стѣны окружаютъ казармы, церковь и административныя учрежденія. Скромныя одноэтажныя дома, построенныя изъ добываемаго здѣсь изъ краевъ плато известняка, татарскіе и армянскіе дворы, персидскія лавки, туркменскія мастерскія окаймляютъ улицу съ обѣихъ сторонъ. Съ востока надъ ней царитъ скала, на которой маленькое подражаніе памятнику Александра II напоминаетъ о русскомъ походѣ въ Хиву. Чугунная доска носитъ имена принадлежавшихъ къ штабу дѣйствующей арміи офицеровъ. Отсюда на Каспій открывается великолѣпный видъ, который въ часы захода можетъ вознаградить за цѣлый день ожиданія. Здѣсь я впервые убедился, что море, дѣйствительно, можетъ быть пурпуровымъ. Какъ часто я самъ употреблялъ этотъ эпитетъ, слышалъ его отъ другихъ, но въ немъ всегда чувствовалось преувеличеніе подъ очарованіемъ новизны. Лишь здѣсь онъ оправдался на самомъ дѣлѣ, когда послѣ заката все море, отъ берега до самаго горизонта, затянулось дивно сверкавшимъ пурпуровымъ покровомъ, такимъ своеобразно чуждымъ подъ свѣтло-голубымъ небомъ. Широкія свѣтло-зеленыя полосы

протянулись по небу, а надъ ними клубились тяжелыя черныя облака съ краями, загор вшимися темнымъ огнемъ въ невидимыхъ лучахъ скрывшагося солнца.

На южномъ своемъ концѣ улица переходитъ въ прозжую дорогу, которая расходится въ двѣ стороны. Одна сворачиваетъ къ юго-востоку въ степь, другая вьется между моремъ и краемъ плато по ровной, то узкой, покрытой галечникомъ, то широкой песчаной мѣстности, взбирается затѣмъ вверхъ на плато и сливается съ первой.

Почва всюду состоитъ изъ очень мягкаго известняка, который, распиленный на куски, употребляется въ Фортѣ, какъ я уже упомянулъ, какъ строительный матеріалъ. Въ степи, подъ вліяніемъ дождя и вѣтра, онъ мѣстами выступаетъ на поверхность мощными залежами; здѣсь колеса арбы и телеги, поддерживающихъ сношенія между Фортѣмъ и Киндерли, въ заливъ въ него глубокія, гладкія, какъ отъ ножа, борозды. По краямъ плато, благодаря атмосфернымъ вліяніямъ, известнякъ размытъ въ причудливыя формы и образуетъ пещеры, ямы, дыры и ходы, которые, нагромождаясь мѣстами въ видъ террасъ, превращаются, благодаря сохранившимся остаткамъ наружныхъ стѣнъ, въ цѣлыя галереи, поддерживаемыя колоннами и пилястрами (таб. 2). Когда такія опоры обваливаются, рушатся также и нависающія массы, и ихъ громадныя глыбы постепенно распадаются и расплываются. Мѣстами разрушеніе начинается на некоторомъ разстояніи отъ краевъ плато, получаютъ параллельныя ему глубокія трещины, которыя даютъ каньоноподобныя образованія (таб. 2); или же оно прорываетъ трещины, направленные перпендикулярно къ берегу; трещины эти, расширяясь въ дикія ущелья или покрытая галечникомъ котловины, спускаются къ уровню степи узкими лощинами или широкими крутыми уступами. Такія размытыя долины въ зы-

ваются далеко въ глубь степи, и въ ихъ стѣнахъ образуются часто пещеры и мрачныя расщелины, напоминающія дымоходы.

Величіе этихъ образованій выразилось въ легендахъ. Сынъ моего киргизскаго проводника, интеллигентный юноша, пославшій шесть лѣтъ русскую школу въ Асхабадъ, предложилъ показать мнѣ недалеко отъ своего аула пещеру, которая будто бы не имѣетъ конца, и въ которую никогда еще не проникалъ ни одинъ киргизъ и ни за что на это не рѣшился-бы. Въ этой пещерѣ живетъ змѣя, такой величины, какъ тѣ большія змѣи, что дѣять людей, и у этой змѣи огромныя сокровища. Есть тамъ еще большой, глубокой колодезь, самый большой и глубокой изъ всѣхъ колодцевъ; изъ этого колодца дуетъ по временамъ такой ураганъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ тогда пройти мимо пещеры. Мы захватили спички и свѣчи изъ моего багажа и отправились верхомъ. На половинѣ подъема по выветрившейся стѣнѣ долины мы достигли входа въ пещеру; я отправился впередъ, за мной следовалъ киргизъ, довольный своимъ маленькимъ приключеніемъ, но не совсѣмъ свободный отъ страха, навѣяннаго бабушкиными сказками. Предъ нами былъ узкій ходъ, полъ котораго шелъ сначала ровно и прямо, а затѣмъ сталъ извиваться и вести вверхъ, то подъ наклономъ, то ступенями; мѣстами же онъ вдругъ круто сворачивалъ внизъ, заставляя насъ все время скользить и карабкаться. Густой мучнистый слой изъ распавшихся горныхъ породъ покрывалъ его. Галечникъ и перегораживавшіе дорогу камни затрудняли движеніе. Нѣсколько разъ, когда мы думали, что достигли уже конца, ходъ велъ дальше круто вверхъ въ видъ дымовой трубы, и мы на четверенькахъ ползли дальше. Наконецъ, сверху въ пещеру проникъ лучъ свѣта, и я увидѣлъ, что верхній конецъ „дымохода“ пересѣкался высокою про-

дольною трещиною и, такимъ образомъ, сообщался съ вн шнимъ міромъ.

Итакъ мы им ли зд съ, сл довательно, д ло просто съ продуктомъ грандіознаго размыванія. При этомъ находили себ отчасти подтвержденіе и вс фантастическіе рассказы, такъ какъ черезъ продольную трещину в терь могъ свободно проникать въ этотъ подземный лабиринтъ и зат мь вырыватья впереди со свистомъ и ревомъ, наводившимъ страхъ на людей, какъ все имь непонятное. Нужно къ этому прибавить еще отдававшійся отъ ст нь узкихъ ходовъ шумъ крыльевъ и крикъ птицъ, свившихъ себ зд съ гн зда, д йствительныя происшествія со зм ями, играющими вообще большую роль въ сказкахъ и суев ріяхъ киргизовъ, народную молву, которая все разукрашивала, устную передачу отъ покол нія къ покол нію — и вотъ легенда живетъ и по сей день, и едва ли мое открытіе разрушитъ ее.

Когда мы хали обратно, молодой киргизъ съ гордостью заявилъ мн , что онъ радъ, что побывалъ въ пещер , въ которую до того не вступала нога челов ческая, что теперъ онъ знаетъ, что пещера им еть конецъ, но что дома онъ все-таки расскажетъ, что вид ль большую зм ю. При этомъ онъ скромно сознался, что одинъ и безъ св та онъ все же не пошелъ бы туда. Немного погодя онъ зам тиль почти робко, съ трогательно-прекраснымъ инстинктомъ сожал нія объ утерянномъ д тскомъ в рованіи: „а в дь жалко, собственно, что мы нашли конецъ пещеры“. Дома онъ, д йствительно, рассказалъ, что вид ль зм ю, вс ему пов рили и усердно ухватились за эту исторію; одна д вочка стала утверждать, что годъ тому назадъ одинъ ребенокъ вид ль тамъ золотыя вещи, но, возвращаясь, ужъ не нашель ихъ больше; другая рассказывала съ блестящими глазами, какъ еще недавно одинъ челов къ хот ль взять изъ пещеры покрывала и халаты,

Таб. 1.

Плоть на Волг .

но не могъ туда войти, а старикъ, слушая ее, качалъ при этомъ головой, говоря, что сокровища принадлежать змѣ, и она никого къ нимъ не подпускаетъ. Если бы мой юноша вздумалъ рассказать правду, что никакой змѣ и никакихъ сокровищъ онъ не видѣлъ, а видѣлъ конецъ пещеры, никто ему не повѣрилъ бы, да и самъ онъ подъ конецъ убилъ бы себя: „а в дѣ пещера все-таки можетъ быть не имѣть конца“ — и легенда продолжала бы существовать.

Масса наваленныхъ всюду камней доставляетъ матеріалъ для многочисленныхъ каменныхъ сооружений, встречающихся на Мангышлакѣ вблизи побережья, какъ то: круги, четырехугольники и помѣщенія въ родѣ ящиковъ — какъ остатки молитвенныхъ мѣстъ и могильниковъ, — зимніе загоны для скота (таб. 3), засады для птицелововъ, оборонительныя укрѣпленія изъ временъ туркмено-киргизскихъ усобицъ, дорожные столбы, разные путевые знаки и огражденія заброшенныхъ полей. О могилахъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ. Путевые знаки представляютъ столбы изъ нагроможденныхъ камней и должны указывать путнику на близость колодца или жилыхъ мѣстъ. Беспорядочно набросанные камни, монотонныя сѣрыя краски, бездорожье, снѣга, заметающіе всякій слѣдъ, затрудняютъ ориентированіе въ этой степи, что естественно привело къ сооруженію подобныхъ путевыхъ знаковъ. Круги, на которые указываютъ какъ на молитвенныя мѣста, представляютъ сложенные въ кругъ камни, въ одномъ мѣстѣ образующіе болѣе широкую и высокую кучу, долженствующую изображать родъ алтаря.

Такіе круги насчитываютъ не болѣе ста лѣтъ; назначеніе ихъ — защищать священное мѣсто отъ дѣтей и скота; они имѣютъ въ діаметрѣ около пяти метровъ и вмѣщаютъ приблизительно пятнадцать человѣкъ (таб. 3). Относительно одного круга, находящагося подъ крепостными стѣнами форта

я получилъ очень странное объясненіе: онъ служилъ будто бы въ прежнія времена основаніемъ для палатокъ отдохавшихъ здъ съ каравановъ ¹⁾. Недавно кто-то по аналогіи съ подобными же сооруженіями въ Африкѣ высказалъ предположеніе, что камни нашихъ кромлеховъ могли служить сидніемъ при совѣщательныхъ собраніяхъ, — объясненіе, въ сравненіи съ принятыми, слишкомъ простое, но тѣмъ не менѣе заслуживающее вниманія. Кто видѣлъ обширныя пространства, покрытыя обломками горныхъ породъ въ областяхъ эрозій или, напр., усыпанныя камнями Корнуэльскія равнины и знаетъ, какую роль въ повседневной жизни номада играютъ камни, тотъ можетъ понять его. Къ сферѣ такихъ естественныхъ, простыхъ, реальныхъ объясненій многихъ явленій, къ которымъ должно было бы чаще прибѣгать народовъ здѣсь, относится и то, что камни служили основаніемъ для палатокъ; это объясненіе при извѣстной достовѣрности многихъ традицій вообще также заслуживаетъ вниманія.

Упомянутыя выше оборонительныя сооруженія состоятъ изъ каменныхъ валовъ или изъ естественныхъ ущелій, отгороженныхъ поперечной стѣной; засады птицелововъ представляютъ родъ башни или круговой валь, для сооруженія которыхъ пользовались естественными оградами.

¹⁾ Этотъ самый кругъ камней изображенъ Залскимъ въ его трудѣ „*La vie, des Steppes Kirghises*“, Paris 1865, на таблицѣ „*La Baie de Nowo-Pietrowsk*“; на стр. 43 онъ замѣчаетъ: „*Entre la forteresse et ces petits lacs se trouve encore un vieux cimetiere kirghize*“. Мнѣ неизвѣстно, указали ли раскопки на то, что здѣсь было кладбище, или такое предположеніе было сдѣлано на основаніи внѣшняго впечатлѣнія или на основаніи преданія; я оставляю въ сторонѣ, кто правъ: мой ли киргизъ или нынѣшнее поколѣніе, придумавшее такое простое объясненіе для этихъ сложенныхъ камней. Мнѣ оно кажется въ высшей степени неправдоподобнымъ, такъ какъ эти камни для киргизовъ не представляютъ ничего особеннаго и объясняются ими обыкновенно на основаніи ихъ традицій.

Мягкостью горныхъ породъ можно объяснить тотъ фактъ, что на скалахъ часто попадаются рисунки; они встрѣчаются въ мѣстахъ, служащихъ приваломъ для пастуховъ, какъ обычная ихъ забава въ часы досуга; мотивы этихъ рисунковъ заимствованы изъ окружающей среды и являются выраженіемъ интересовъ художника, при чемъ на первомъ планѣ стоитъ, конечно, пастушеская жизнь: овцы и ликомъ, овечьи рога, верблюды — вотъ наиболѣе распространенные мотивы.

Внутренность Мангышлака представляетъ степную область, частью равнинную, частью волнистую, съ широко отстоящими грядами холмовъ, такъ что кажется, что находишься на плоской тарелкѣ, края которой образуютъ горизонтъ; иногда же мѣстность понижается и образуетъ широкія долины, дно которыхъ представляетъ рельефъ холмовъ, остроконечныхъ вершинъ и бугровъ, а склоны выдвигаются въ видъ отроговъ или же отступаютъ въ видъ размытыхъ ущелій и овраговъ. Ни деревца, ни куста не видно надъ короткой, пучковидной засохшей травой этой почвы, содержащей, должно быть, еще меньше влаги, чѣмъ на востокъ Арала, гдѣ мнѣ случалось видѣть въ такое время года еще обширныя пространства съ высокими волнующимися травами, наполняющими ночной воздухъ своими мягкими душистыми ароматами. На сколько глазъ можетъ видѣть, тянутся вдаль эти зеленыя равнины; разсыпанные по нимъ аулы, пасущіяся стада — все сливается въ одинъ общій тонъ; едва рисуются ихъ силуэты, часы уходятъ за часами, ни малѣйшее измѣненіе этой картины не балуетъ пытливаго взора. Но однообразіе это лишь относительное. Если представить себѣ степь, какъ одно географическое цѣлое, простирающееся отъ Каспія до Алтая на сорокъ градусовъ долготы и пятнадцать широты, то это, конечно, не будетъ одна безконечная, покрытая травами, равнина. Кромѣ упомянутыхъ уже котловинъ, за которыми

дал е на востокъ сл дуютъ другія такія-же пониженія почвы, мы встр чаемъ высохшія русла р къ, которыя весною и осенью на короткое время наполняются водою, зат мь ц - лья области, подвергающіяся періодическимъ наводненіямъ — такъ, напр., линія Оренбурго -Ташкентской ж. д. должна была сд лать изъ-за этого большую дугу, — зат мь летучіе пески и дюнные пространства, песчанья пустыни, б лья солончаковыя степи, лёсовыя области, покрытая травами холмистыя съ плоскими вершинами пространства и голыя пустынные плоскогорія съ р зко очерченными контурами. Вся эта пестрая см на, хотя и не представляетъ нигд особой прелести ландшафта, даетъ все же путешественнику разнообразіе впечатл ній. Отъ нея зависитъ весь укладъ жизни кочевника, его хозяйство, направленіе и время его кочевокъ. Континентальный климатъ гонитъ его со стадами л томъ на с верь, зимою на югъ, состояніе травъ и содержаніе воды въ колодцахъ регулируютъ передвиженіе ауловъ въ пред - лахъ бол е или мен е большихъ областей.

Л то зд съ жаркое, полуденные часы, когда в терь не приносить ни мал йшей прохлады, пышутъ томительнымъ зноемъ, солнце жаритъ безпощадно, а палящій воздухъ осл - пительно р етъ надъ почвой и полонъ обманчивыхъ миражей: пасущаяся лошадь кажется кибиткой, пучокъ травы вырастаетъ въ дѣрево, кучка верблюжьяго помета—въ скалу, а камни заброшеннаго кладбища превращаются въ громадныя города и кр пости; на горизонт , какъ по волшебству, появляются ц лые острова, озера и л са и наполняютъ прекрасными иллюзіями душу путника, незнакомаго съ этими явленіями. Но удушливые полуденные часы вознаграждаются удивительными красками вечерней и утренней зари, когда небо сверкаетъ своимъ великол **пїемъ**, а фіолетовыя т ни обволакиваютъ далекія высоты и **низины**.

По главнымъ путямъ, по которымъ идетъ сообщеніе, создались настоящія дороги, какъ упомянутая уже дороги между фортомъ Александровскимъ и Киндерли, въ другихъ же мстахъ встрчаешь едва нам ченныя тропы, по которымъ слдуютъ всадники и кочующіе аулы. Часто, однако, цлыми днями не встр тишь ни мал йшаго зам тнаго сл да какой-либо тропы, и предъ путешественникомъ простирается гладкая равнина, — покрытая травою, и представляется загадкой, какъ можно ориентироваться въ этой степи. Но туземець им етъ въ своемъ распоряженіи, какъ и повсюду въ мр , особые признаки и свои личныя воспоминанія; кром того, н которые аулы, чтобы легче отыскать свои кибитки или колодцы, устраиваютъ на возвышеніяхъ изъ камней знаки, на подобіе столбовъ; посл ухода аула знаки эти оставляются на мстахъ, часто даже удерживаютъ свое названіе и служатъ для общаго пользованія, какъ путевые знаки. Туземцы для ориентированія приб гають также къ лун , солнцу и зв здамъ; такъ, на прим рь, они знаютъ с верную полярную зв зду, какъ неподвижный пунктъ.

Приведу зд сь н которыя прим ты погоды, которыя мн сообщилъ одинъ киргизъ. Если въ зимнюю ночь на ясномъ неб много зв здъ, то это указываетъ на теплую погоду, если ихъ мало — на холодную. Если зимою при восход и закат солнца рядомъ сь нимъ покажутся два св тлыхъ м ста, то будетъ холодно, в тренно и пойдетъ сн гь. Если солнце и луна окружены кольцами, то будетъ дурная погода. Посл жаркаго л та сл дуетъ холодная зима. Если зимою на пути къ колодцу лошади и верблюды веселы, прыгаютъ и играютъ, то это означаетъ дурную погоду.

Населеніе Мангышлака состоитъ изъ киргизовъ и туркменовъ и распред ляется въ настоящее время такъ, что посл дніе занимаютъ прибрежную полосу, шириною отъ десяти

до двадцати версть, и доходятъ на с вер до форта Александровскаго; киргизы же занимають остальное, значительно большее, пространство. Но не всегда это было такъ. По преданію зд съ раньше жили монголы—воспоминаніе, должно быть, о кипчакскомъ царств Батыя, внука Чингисъ-Хана, которое простиралось отъ Россіи до Аральскаго моря и заключало въ себ Усть-Уртскую возвышенность; зат мь зд съ поселились туркмены, пришедшіе изъ Туркестана. Обь этомъ я слышалъ сл дующее преданіе:

Въ Туркестан жилъ н когда святой, пользовавшийся большимъ почетомъ. Этому позавидовали два богатыхъ купца, донесли на него хану, обвинивъ его въ краж скота, и потребовали его наказанія. Ханъ призвалъ къ себ святого и рассказалъ ему, въ чемъ его подозр вають; святой спокойно отв тиль, что онъ ни въ чемъ не виновать, можно поискать, у него ли украденная корова, пусть ханъ самъ придетъ къ нему съ обоими купцами и все осмотритъ. И съ этимъ онъ отправился домой. Т мь временемъ обвинители сами привели якобы украденную корову въ домъ святого. Когда ханъ и купцы пришли къ нему, какъ было условлено, святой вышелъ къ нимъ и предложилъ обвинителямъ пойти самимъ поискать корову. Они такъ и сд лали, ханъ и святой остались на двор ожидать. Купцы долго не возвращались. За ними послали слугъ; но эти посл дніе, вернувшись, заявили, что не нашли въ дом никого, кром двухъ большихъ собакъ. Въ то же мгновеніе эти животныя выскочили, бросились въ домъ обоихъ богатыхъ купцовъ и стали разрушать и убивать у нихъ и во всемъ город все, что имъ попадалось навстр чу. Испуганный ханъ спросилъ святого, что д лать. Этотъ посл дній отв тиль: „только б гствомъ можно спастись, весь городъ долженъ вы хать, а собакамъ нужно кидать каждый день по молодой д вушк ,—только тогда остальные люди останутся

въ живыхъ". Такъ и было сд лано. Все населеніе вы хало, собаки б жали сзади, и каждое утро имъ бросали связанную д вушку. Такъ прибыли б глецы въ Хиву, гд часть ихъ спряталась въ л сахъ и тамъ осталась, другая же, большая часть отправилась дальше, пресл дуемая собаками, продолжавшими получать каждый день свою жертву. Наконецъ, они пришли къ границамъ Мангышлака, гд имъ пришлось перейти большое плоскогоріе. Собаки не отставали. Тутъ очередь дошла до одной д вушки, которую очень н жно любилъ ея братъ; посл дній не захот лъ разстаться съ нею и когда, по обыкновенію, ее утромъ оставили связанной на м ст стоянки, онъ спрятался, захвативъ съ собою лукъ съ пятью стр лами, и убилъ собакъ въ то время, какъ они бросились на свою жертву. Такъ освободились люди отъ заговора и радостные пришли на Мангышлакъ. М сто, на которомъ братъ, движимый любовью къ сестр , совершилъ свой подвигъ, назвали по имени стр лка и его пяти стр ль: „бешъ-окту-тунгаша" („Пять-Стр ль-Тунгаша").

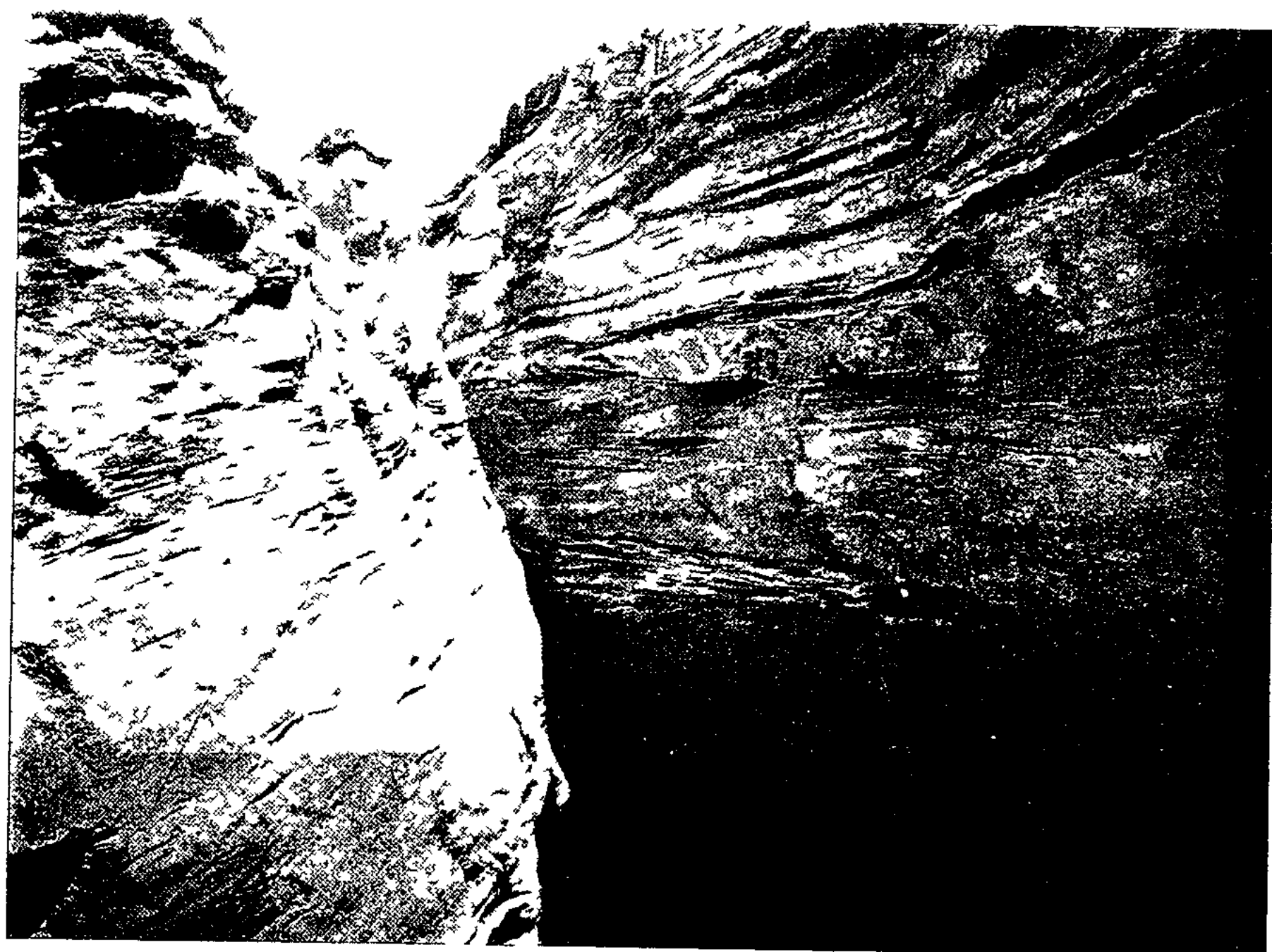
Какая доля исторической правды лежитъ въ основ этой легенды, мы не беремся разбирать; она, во всякомъ случа , доказываетъ, что не Мангышлакъ, какъ мн рассказывали въ Мерв , является колыбелью туркменовъ, т.-е. м -стомъ монголо-тюрко-арійскаго см шенія, давшего этотъ народъ, но что ядромъ посл дняго является продуктъ туркестанскаго оазиса, къ которому присоединились въ не очень значительномъ количеств тюрко-татарскія наслоенія; что арійскій элементъ новыми притоками изъ Персіи не столько собственно опред лился, сколько осв жился, усилился, возобновился его первоначальный иранскій характеръ; что Мангышлакъ не является страной туркменовъ, а лишь туркменской колоніей, если можно такъ выразиться, не источникомъ жизни этого народа, а только станціей на его пути, не на-

чаломъ, а лишь эпизодомъ его исторіи. Съ такимъ взглядомъ согласуется и антропологическій типъ туркмена, который въ своихъ главныхъ чертахъ указываетъ на Бухару и таджиковъ, персидскія же и тюрко-татарскія черты—приблизительно равныя количественно—проявляются лишь, какъ вкрапленія; не идетъ въ разрѣзъ съ этимъ и упадокъ земледѣлія, которое туркмены принесли съ собою изъ иранскихъ оазисовъ, но которое они забросили въ новой странѣ подъ гнетомъ неблагоприятныхъ почвенныхъ условій и подъ вліяніемъ политическихъ леремѣнь; вполне вяжется съ этимъ взглядомъ и ихъ тяготѣніе къ Хивѣ, которая представляетъ для туркменовъ родъ экономическаго и духовнаго центра. Традиція, сообщенная мнѣ въ Мервѣ, оказалась новѣйшаго происхожденія, ей незнакомы столь важныя для исторіи древнѣйшія времена; она, правда, ввела меня въ заблужденіе, но, идя послѣдамъ этой традиціи, я, къ счастью, не встрѣтилъ разочарованія. Напротивъ того, путешествіе это доставило мнѣ важныя для моихъ цѣлей наблюденія надъ передвиженіями народовъ, все еще имѣющими мѣсто въ этомъ самомъ западномъ изъ отроговъ средне-азиатской степной области.

Мангышлакъ былъ, такимъ образомъ, лишь нѣкоторое время въ исключительномъ владѣніи туркменовъ, которые жили на сѣверѣ до береговъ сильно възвышающагося здѣсь на востокъ Каспійскаго моря. Названіе местности Бузачи связываютъ съ именемъ предводителя одного изъ ихъ родовъ. Они основывали даже города по образцу хивинскихъ, если вѣрить рассказамъ о развалинахъ въ Каратау, около двухсотъ верстъ къ юго-востоку отъ форта Александровскаго. Я самъ этихъ развалинъ не видѣлъ, такъ какъ болѣе богатый аулами сѣверный округъ казался мнѣ болѣе интереснымъ для моихъ этнографическихъ цѣлей; но судя по описаніямъ, это не что иное, какъ развалившіяся глиняныя

Разрушеше бряя плато

Образование трещинъ па Мангышлак

постройки туркестанскаго типа. Тамъ же были сд ланы также и разрозненныя археологическія находки; между прочимъ, были найдены монеты, явная ц нность которыхъ произвела впечатл ніе даже среди киргизовъ и послужила поводомъ къ новымъ легендамъ. Такъ, напр., н кто вид ль сонъ, будто къ нему явился старый челов къ съ длинной бородой и предложилъ ему указать м сто, гд искать золото; онъ не обратилъ вниманія на этотъ сонъ. Но сонъ повторился во второй и въ третій разъ, тогда киргизъ отправился въ указанное м сто, сталъ копать и нашель плоскій камень, подь которымъ при постукиваніи чувствовалась пустота, и гд , д йствительно, оказались деньги. Или: есть открытое м сто съ большимъ камнемъ, о которомъ издавна ходила молва, что подь нимъ погребень богачъ, и недалеко отъ него спрятаны его сокровища. Одному челов ку приснилось, что онъ найдетъ этотъ кладъ на краю т ни, бросаемой камнемъ; онъ сталъ копать и д йствительно нашель деньги.

Сто пятьдесятъ л ть тому назадъ, какъ рассказываютъ, въ страну явились съ с вера киргизы, поб дили посл долгихъ войнъ туркменовъ и погнали ихъ передъ собою на западъ и югъ. Н которые изъ нихъ б жали въ Астрахань, другіе въ Хиву и въ Красноводскъ; часть же стянулась къ побережью, а остальные принесли повинную и поселились среди новыхъ господъ. Это было еще сорокъ кибитокъ — любимое число въ рассказахъ тюрко-татаръ, им ющее вообще значеніе „много“.

При этомъ столкновеніи киргизы были бол е агрессивнымъ, бол е св жимъ тюркскимъ народомъ, съ бол е чистою кровью, и физически стояли выше туркменовъ. Закаленные, какъ сталь, чистые кочевники, они взяли верхъ надъ своимъ изн женнымъ городскою культурою и кровосм шеніемъ врагомъ и продолжаютъ д лать это и понын , отг сняя все